

М. Л. Засецкая

Особенности этнокультурной самоидентификации
шведов о-ва Вормси XIX – начала XX века
(по материалам краеведческого очерка
Н. Ф. Арепьева)

Засецкая Марина Львовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики, научный сотрудник ведущей категории, merjamz@mail.ru

В начале доклада автор кратко охарактеризует Н. Ф. Арепьева – одного из основоположников краеведения в России конца XIX – начала XX в. и его рукопись «Остров Вормс и его обитатели шведы», которая и в настоящее время может служить примером историко-краеведческой литературы.

Исторические факты, изложенные в рукописи, и непосредственные наблюдения Арепьева свидетельствуют о консерватизме и сплоченности данной гомогенной группы островных шведов, переселившихся в Эстонию в XIII–XIV вв., а также о формировании у них этноцентризма и ингруппового фаворитизма.

По мнению автора, своеобразие этнокультурной самоидентификации вормских шведов 1870–1910-х гг. нашло свое выражение в необычном сочетании устойчивых этнической и социальной самоидентификаций, обусловленных отчетливой исторической памятью о своем германо-скандинавском происхождении, традициях «морской» культуры народов Скандинавии, обстоятельствах переселения в Эстонию, с относительно неустойчивой конфессиональной самоидентификацией (переход от лютеранства в баптизм, обращение в православие и последующее возвращение в баптизм).

Ключевые слова: шведы о-ва Вормси, этнолокальная группа, историческая память, этнокультурная самоидентификация, этнические стереотипы.

В начале доклада хочется отметить, что впервые мне довелось обратиться к изучению этнической и религиозной культуры шведской диаспоры о-ва Вормси в 1990-е гг., во время работы над тематическим каталогом-классификатором фонда отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографи-

ческого музея. Тогда и выяснилось, что наш музей владеет уникальным историко-этнографическим комплексом источников, представляющих культуру шведов о-ва Вормси*, аналогов которому в Российской Федерации нет**. Подробно история поступления и вопросы атрибуции вещественных и фотоиллюстративных памятников были мною описаны в статье «Собрание по этнографии скандинавских народов и немцев-колонистов», опубликованной в 2004 г.¹ Здесь же я лишь напомню, что в состав данного собрания помимо вещевых коллекций и фотодокументов входит рукопись Н. Ф. Арепьева «Остров Вормс и его обитатели шведы» (1904–1912 гг.)², представляющая собой единственный в историографии пример «русского взгляда» на культуру островных шведов в Эстонии.

Николай Федорович Арепьев, корреспондент Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (1852 – предположительно начало 1930-х гг.) – дворянин, писатель (литературные псевдонимы: Богородичанин; Н. А.; А. Репьев; Н. Феодорович; Шале; Экуте и т.д.), педагог (воспитатель, учитель истории и географии), статский советник (с 1910 г.), член Археологического института и Общества Землеведения при Санкт-Петербургском университете может быть назван одним из основоположников отечественного краеведения и первым в России идеологом развития эко-этнотуризма³.

Высокий профессионализм работы Арепьева, четкая структура, наличие ссылок на исторические документы, церковные архивы и публикации во многом обусловлены его опытом создания краеведческих работ и преподавания истории, а также многолетними поездками на о-в Вормси (с 1900 г.) и знанием шведского языка, благодаря чему ему удалось освоить местный диалект и установить личные, доброжелательные взаимоотношения с обитателями острова.

Какими же предстают перед нами «обитатели о-ва Вормс» из повествования петербургского краеведа?

Это гомогенная, весьма консервативная, замкнутая и сплоченная группа. Потомки шведских переселенцев из Швеции или

---

* Вормс – русское название времен Российской империи, Вормси – эстонское и современное название острова.

** Данный историко-этнографический комплекс включает в себя четыре вещевые коллекции (колл. № 2992, 2993, 2994, 2995 – всего 256 номеров), одну фотоколлекцию (колл. № 2578–78 номеров), а также первую редакцию рукописи «Остров Вормс и его обитатели шведы», написанную в 1904–1911 гг. Н. Ф. Арепьевым.

Финляндии, обосновавшихся на острове еще в эпоху Средневековья, сохранили свою этническую идентификацию на протяжении семи веков. В качестве основных факторов, которые способствовали обособлению шведской колонии, Арепьев называет природный (место проживания – остров) и историко-социальный: особые привилегии шведского населения Эстонии, ограждающие их в период с XIII–XIV до XVII – начала XVIII в. от обременительных податей и крепостной зависимости, но также служившие преградой для межэтнических браков с автохтонами – эстонскими крестьянами. После присоединения Эстляндии и Лифляндии к владениям Шведского королевства, вормсовские шведы постепенно утратили привилегии, а по окончании Северной войны (1700–1721), будучи в составе Российской империи, оказались на положении бесправных крепостных.

Арепьев в духе своего времени полагал, что именно «влияние векового рабства»⁴ в XVIII в. обусловило развитие некоторых дурных наклонностей у вормских шведов.

«По своему душевному складу и всей обыденной жизни вормский крестьянин, как и шведы других соседних островов, сильно разнятся не только от своих ближайших соседей эстов, но и от кровных братьев в Финляндии и Швеции. В то время, когда последние достигли высокой культуры, отличаются трудолюбием и честностью, в характере вормских крестьян преобладают лень, эгоизм, скрытность, склонность к легкому и своеобразному воровству. <...> Вормский швед никогда не украдет у своего собрата шведа. Тогда как украсть, присвоить вещь, принадлежащую человеку другого племени или класса, не только не считается предосудительным, а наоборот, оценивается здесь как нечто героическое. Общее угнетенное положение в прошлом воспитало в них своеобразную круговую поруку, и вормский швед на суде никогда не будет свидетельствовать в пользу нешведа. Вормский швед может быть очевидцем того или иного преступления, но на суде он не остановится и перед ложной присягой <...> К отрицательным свойствам характера населения о. Вормс следует отнести существование на нем контрабанды <...> в настоящее время – спирт и ром из Финляндии, которые сбываются на материк, так как население о. Вормс отличается большой трезвостью»⁵.

По моему мнению, в данном случае Арепьев заблуждается, поскольку после датско-немецкой экспансии XII–XIII вв. автохтонное население Эстонии и Латвии оказалось в гораздо худшем положении, однако, подобных «отрицательных качеств» не приобрело. Я предполагаю, что именно принадлежность вормских шведов в течение четырех столетий к привилегированному слою населе-

ния внутри третьего сословия способствовала формированию у них восприятия представителей своей группы как «особых», высокостатусных людей и, как следствие, привело к развитию умеренного этноцентризма, а также ингруппового фаворитизма, возможно, действительно обострившегося в период их «угнетения», с которым они неустанно, хотя и безуспешно, боролись, отстаивая свои права на личную свободу (XVIII в.) и землю (XIX в. – восстание островитян 1860–1861 гг.).

Избегание и отторжение инородного, особенно непринятие новаций от «низкостатусного» окружения, с одной стороны, благоприятствовало сохранению этнолокальных традиций, с другой – тормозило цивилизационные процессы. В результате вормсовская диаспора (3669 чел.) даже по сравнению с местным немногочисленным эстонским населением (120чел.)⁶, по наблюдению Арепьева, выглядит консервативной (поселение, жилище, детская и женская одежда, семейный уклад), а иногда и отстающей в развитии, что особенно заметно в сфере сельского хозяйства, традиционных ремесел, столовой и кухонной утвари, пицци (например: «Никаких приправ не употребляют, особенное отвращение вызывают у вормского крестьянина грибы и огурцы. Не сажают также брюквы, редьки и моркови, но молодежь не отказывается лакомиться этими овощами, например, из огородов местных эстонцев. Не знают также варенья из ягод и плодов»⁷).

В контексте всего вышесказанного удивление вызывает «богоискательство» вормских шведов второй половины XIX в., переход от одной христианской церкви или «антилютеранской секты»⁸ к другой под влиянием проповедей «чужих» – приезжих миссионеров. Однако, если принять во внимание кто именно и откуда приезжал, то подобная доверчивость и открытость может быть также объяснена высоким этносоциальным статусом, который имели миссионеры в глазах вормских шведов.

В 1872–1873 гг. на острове проповедовал шведский миссионер, «назначенный на должность учителя местной школы, некто Ёстерблум»⁹. В 1884 г. для распространения учения «скакунов» сюда прибыл «миссионер Викандер <...> от Евангелического Отечественного Института в Стокгольме» и почти одновременно с ним «баптистский проповедник Санкт-Петербургского баптистского прихода, пастор Шове»¹⁰, который был приглашен из Петербурга в Гапсальский уезд в 1884 г. <...> Деятельность пастора Шове имела на о. Вормс огромный успех <...> Тем не менее мрачный взгляд на жизнь почти всех антилютеранских сект в Эстляндии не мог удовлетворить запросам всего населения <...> в стремлении найти опору и утешение в трудовой жизни и обрести путь истинной веры.

Это и было главной причиной сильного движения 1886 г. в пользу православия, когда на о. Вормсе заявило желание обратиться почти четверть населения, почему на нем и был построен православный храм, о каком большинстве островитян не имело никакого понятия. Но еще более успеху православия содействовала счастливая случайность – назначение в этот храм священника о. Николая Орлова. Это был человек замечательный <...> показавший своим примером невиданный до тех пор образец духовного пастыря в лучшем смысле этого слова. <...> С переводом о. Николая Орлова на о-в Эзель, при его преемнике, эстонце по национальности, движение в пользу православия на о-ве Вормс сильно ослабело, а в 1905–1906 гг., многие сотни православных шведов вернулись в лютеранство, вернее, в баптизм. В настоящее время православных осталось не более 300 человек»¹¹.

К сожалению, в рамках данного доклада нет возможности проанализировать феномен «русского взгляда» на конфессиональную историю вормских шведов 1870–1880-х гг.¹² Однако, должно отметить, что Арешев очень тонко почувствовал, что «ослабление движения в пользу православия» было в какой-то мере связано со сменой пастыря. Приемники о. Николая (Карп Тиизик и Якоб Вараск)¹³ были столь же глубоко верующими и доброжелательными духовными наставниками, но они были эстонцами. Я не думаю, что это было главной причиной в охлаждении новообращенных к церкви, но весьма вероятно, что стереотипы этнической иерархии сыграли в этом процессе не последнюю роль.

Отсутствие каких бы то ни было конфликтов внутри этнической группы на религиозной почве позволяет сделать вывод о приоритете этнической самоидентификации над конфессиональной. Конфессиональное же самосознание вормских шведов второй половины XIX – начала XX в., вероятно, следует охарактеризовать как недостаточно устойчивое.

В заключение следует отметить, что с точки зрения исторической памяти вормский швед – прежде всего швед, то есть потомок викингов и «кровный брат» представителей элитных сословий прибалтийского дворянства и духовенства (немцев, шведов, датчан), и «труженик моря». Сложившиеся еще в Средние века и прочно зафиксированные на индивидуально-личностном (Я-образ) и групповом (Мы-образ) уровнях данные стереотипы, по моему мнению, предопределили формирование особенностей этнокультурной самоидентификации вормских шведов и своеобразия их обыденного мировоззрения в целом.

¹ Первый вариант статьи был опубликован на эстонском языке. См.: Zsetskaja M. Germaani rahvaste kogud Venemaa etnograafiamuuseumis//Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat XLII. Tartu, 1998. S. 97–113; Засецкая М.Л. Собрание по этнографии скандинавских народов и немцев-колонистов//Материалы по этнографии.Т.2: Народы Прибалтики, Северо-Запада и Среднего Поволжья / Ред. кол.: А.Ю. Заднепровская, Н.И. Ивановская, О.М. Фишман (отв. ред.). СПб., 2004. С. 114–135.

² В архиве РЭМ хранится первый рукописный вариант краеведческого очерка (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18), который в 1914 г. с небольшими стилистическими изменениями был опубликован. См.: Арепьев Н.Ф. Остров Вормс и его шведское население. СПб., 1914.

³ Наиболее полно биография Н.Ф. Арепьева, его научная-просветительская и педагогическая деятельность раскрыты в статье историка-краеведа С.В. Степанова. См.: Степанов С.В. Петербургский педагог, краевед Н.Ф. Арепьев и его «Путеводители по окрестностям Петербурга»//Фонтанка: культурно-исторический альманах. 2018. № 23. С. 62–73.

⁴ Архив РЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 18. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21, 22.

⁶ Архив РЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 18. Л. 6.

⁷ Там же. Л.19, 20.

⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л.29.

⁹ Там же. Л.28. Подробнее о деятельности Ларса Йохана Остерблума и других миссионеров см.: Plaat J. Usuliikumised, kirikud ja Vabakogudused Lääne- ja Hiiumaal. Tartu, 2001. Lk. 63, 6870, 77, 82, 83, 85, 105–108; резюме на англ. яз. S. 396.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л.29. Подробнее о деятельности Адама Рейнгольда Шове (Schiewe) см.: Plaat J. Op.cit. Lk. 90, 92, 93, 107, 110, 111, 11–125.

¹¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 20, 30. Подробнее о распространении православия на острове Вормси, о миссионерской деятельности православных священников – о. Николая Орлова и о. Варраске, о которых пишет Н.Ф. Арепьев см.: Plaat J. Op.cit. Lk. 136, 137.

¹² Ср.: Plaat J. Op.cit. S. 397.

¹³ Список священнослужителей православной церкви Вознесения Христова на о. Вормси см.: Vormsi õigeusu koguduse ajalugu (History of the Vormsi Orthodox Church community) см. URL: <http://www.maria-magdaleena.net/vaikelahtru/teated> (дата обращения: 20.09.2020).

UDC 397

M. L. Zsetskaia

The Features of Ethnocultural Self-Identification
of the Swedes of Vormsi Island of XIX –
beginning XX Century (based on the materials
of a local history essay by N. F. Arepjev)

Zasetskaia Marina L'vovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of North-West Russia and Baltic Regions, research fellow of the leading category, merjamz@mail.ru

At the beginning of the article, the author briefly represents N. F. Arepiev, one of the founders of local history in Russia of the end XIX – the beginning of XX c., and his manuscript „Worms Island and its inhabitants – the Swedes” (1904–1912), which can still serve as an example of local history literature.

The historical facts presented in the manuscript and the Arepiev's direct observations indicate the conservatism and cohesion (cohesiveness) of this homogeneous group of Swedes islanders who moved to Estonia in the XIII–XIV cc., as well as the formation of their ethnocentrism and in-group favoritism.

According to the author report opinion, the peculiarity of ethnocultural identity of the Vormsi's Swedes of the 1870 – the 1910s, was expressed in the unusual combination of stable ethnic and social identity, due to distinct historical memory of their Norse origins, the traditions of the marine culture of the peoples of Scandinavia and the circumstances of resettlement to Estonia, with relatively unstable confessional identity (the shift from Lutheranism to Baptists, conversion to Orthodoxy and subsequent return to Baptists).

Key words: the Swedes of Vormsi island, local group, historical memory, ethnocultural self-identification, ethnic stereotypes.